

низкий уровень социальной зрелости, склонность к асоциальным поступкам (оценочные шкалы ММРІ, методики профессиональной мотивации и профессиональной адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел);

негативная мотивация профессиональной деятельности (методики профессиональной мотивации, мотивации к успеху и избегания неудач Элерса);

недостаточность сформированности (или деформации) ценностно-мотивационной сферы (методики изучения ценностно-мотивационной сферы личности, Рокича, «Семантический дифференциал», «Репертуарные решетки» Келли);

высокий уровень склонности к риску (методика Шуберта);

низкий уровень тревожности (методики Тейлора, Леонгарда-Шмишека, Спилбергера);

высокий уровень демонстративности (методика Леонгарда-Шмишека);

высокий уровень экзальтированности, склонность к авантюризму (методика Леонгарда-Шмишека, шкалы ММРІ);

низкий уровень застревания (методика Леонгарда-Шмишека);

низкий уровень педантичности (методика Леонгарда-Шмишека);

средний или высокий уровень эмотивности в сочетании с высокими баллами по шкале экзальтированности (методика Леонгарда-Шмишека);

низкий уровень рефлексии (методика Терстоуна);

высокий и средний уровень интеллекта (методики оценки мыслительных способностей, с учетом специфики деятельности);

высокие показатели по шкалам коррекции ЕРІ Г. Айзенка, ММРІ;

высокие баллы по «клиническим» шкалам методики ММРІ.

Для выявления «коррупционных черт» были протестированы «контрольная» и «экспериментальная» (коррупционная) группы сотрудников правоохранительных органов. Установлено, что статистически значимо показатели двух групп отличаются по методикам Кеттелла ($p < 0,01$) и Леонгарда-Шмишека ($p < 0,01$). Заслуживает внимания также факт низкой валидности, надежности и информативности базовых шкал теста ММРІ в отношении обнаружения «коррупционных черт» сотрудников правоохранительных органов, что обязательно следует учесть при соответствующей дифференциальной диагностике. Обобщение результатов статистической обработки свидетельствует о наличии значимых различий между индивидуально-психологическими особенностями сотрудников органов внутренних дел контрольной группы и сотрудников-коррупционеров.

Индивидуально-психологический уровень детерминации коррупционного поведения может проявляться как в целом, так и дифференциально, что выявляет два типа индивидуально-психологических факторов: обуславливающих общую склонность к коррупционному поведению (общая детерминация); обуславливающих склонность к проявлениям коррупционного поведения по конкретному типу (дифференциальная детерминация). Общую склонность к коррупционному поведению проявляют правоохранители с акцентированно-выраженными *гипертимными, демонстративными, ригидными и дистимичными* чертами характера. Дифференциальный уровень предусматривает конкретные связи между индивидуально-психологическими особенностями правоохранителей и типами коррупционного поведения: «*доминантность*» – *взятничество, лоббизм*; «*пармия*» – *взятничество*; «*хартия*» – *бизнес*; «*алаксия*» – *связи и содействие деятельности организованных преступных группировок*; «*праксерния*» – *хищение*.

Таким образом, проведенный анализ дал возможность верифицировать предположение относительно индивидуально-психологической детерминации коррупционного поведения правоохранителей. Стоит отметить, что предложенный подход к решению проблемы коррупции в системе МВД, хотя и имеет дискуссионный характер, вместе с тем является перспективным для дальнейших научных поисков.

УДК 343.91

О.П. Колченогова, кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПНИКА

Личность преступника одна из центральных криминологических проблем, поскольку криминология как наука изучает причины и механизм индивидуального преступного поведения. Отмечая значительные успехи в исследовании общих и частных сторон этой проблемы, необходимо отметить то, что за пределами этих исследований остаются многие вопросы, связанные со спецификой личности и ролью личностных факторов в этиологии преступной неосторожности.

Ситуация как объективный фактор в механизме неосторожного преступления создает лишь внешние условия, возможность причинения вреда общественным интересам и ценностям. Сам механизм преступления приводится в действие в результате противоправного поведения и субъек-

тивного фактора. Взаимодействие элементов объективного и субъективного представляет ядро механизма любого преступного поведения. Однако в механизме неосторожного преступления место и роль субъективного (личностного) фактора существенно отличается от таковых в механизме преступления с умышленной формой вины: субъект неосторожности не желает, сознательно не допускает наступления преступного результата и часто принимает меры для его предотвращения; либо лицо не признает общественно опасного характера своих действий, не предвидит возможных отрицательных последствий этих действий либо легкомысленно рассчитывает на их предотвращение. В истоках такого опасного поведения тесно переплетаются социальные и биологические факторы. Такое методологическое решение в принципе является общим для объяснения механизма неосторожного преступления.

При изучении неосторожного поведения это взаимодействие имеет иной психологический фундамент; оно образует именно те психологические дефекты, которые приводят к нарушению правил предосторожности и поэтому отмеченное взаимодействие требует анализа преимущественно на психологическом уровне. Общепринятое в криминологии положение о том, что социальное содержание поступков реализует психофизиологические механизмы, не следует понимать упрощенно. Объективное содержание неосторожных поступков далеко не всегда соответствует их психологическому субъективному значению в сознании субъекта неосторожности. В психологическом плане слагаемые неосторожности – различного рода дефекты поведения и их комбинации. Сюда относятся дефекты восприятия, дефекты решения и дефекты действия. Эти дефекты во многом (но далеко не во всем и не всегда) отражают отрицательные психологические свойства личности, сформированные под воздействием определенных социальных причин. Это определяется определенными психологическими дефектами неосторожно действующего лица, приводящими его к нарушению правил предосторожности. По мнению исследователя П.С. Дагеля, они условно могут быть разделены на три группы, что не исключает их взаимодействия:

дефекты восприятия и переработки информации (субъект не воспринял имеющуюся информацию о необходимости соблюдения правил предосторожности, не осознал воспринятую информацию, неправильно оценил ее, сделав ошибочные выводы);

дефекты решения (субъект не нашел решения, которое исключило бы причинение вреда обществу, принял неправильное решение);

дефекты действия (субъект не смог правильно осуществить действие, необходимое для предотвращения вредного результата).

Такие дефекты, приводящие к неосторожному причинению вреда, могут иметь место и в интеллектуальной, и в волевой, и в эмоциональной, и в других сферах личности. Психологическими причинами неосторожности, т. е. отрицательными чертами личности являются, как правило, игнорирование предосторожности, несосредоточенность на выполняемой работе, недостаточность прилагаемых волевых усилий и т. д. Они могут быть объединены общим понятием «невнимательность». Указанные дефекты психики могут быть устойчивыми свойствами личности, но могут быть вызваны особенностями ситуации (отвлекающие факторы), особым психологическим или физиологическим состоянием лица (аффект, усталость, заболевание, опьянение). Все они могут быть объединены в две группы. Первую группу составляют дефекты, порождающие неосторожность независимо от сферы деятельности субъекта. Вторую группу составляют дефекты, порождающие неосторожность лица лишь в определенной сфере деятельности (например, при использовании техники). За рамками этой сферы человек может полностью отвечать всем требованиям, которые к нему предъявляет общество. Речь идет о психологических дефектах в интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферах личности, которые могут представлять собой либо устойчивые свойства личности, либо вызываться особенностями ситуации или особенностями психофизиологического состояния субъектов неосторожности. В условиях криминогенной ситуации те или иные дефекты «срабатывают»: происходит неадекватное восприятие и оценка информации, принимается ошибочное решение и выполняется действие, имеющее общественно опасный характер, неосознаваемый субъектом.

Исследования В.Е. Квашиса и Н.С. Лейкиной показывают, что существуют строго индивидуальные барьеры психологической и психической адаптации личности к внешним воздействиям, концентрирующие особенности ее склада. Эти барьеры формируются функциональными системами человеческого организма и опираются на создающие их биологическую и социальную основы. Биологический механизм адаптационного барьера в значительной мере определяется конституциональными особенностями человека, однако он, как уже отмечалось, не может существовать без социальной основы, которую образуют социальные свойства личности.

Субъективное отношение к сложившейся ситуации, анализ информации и принятие решения может не отражать их объективного содержания; оно может быть предопределено более или менее устойчивыми психологическими дефектами и свойствами, которые хотя и обусловили ошибочное решение, тем не менее весьма далеки от социальных позиций личности, которые, во-первых, могут породить неосторожность

лишь в определенной сфере деятельности, во-вторых, свойства, которые порождают неосторожность, независимы от сферы деятельности субъекта. Устойчивость и сфера проявления таких свойств должны подсказать направления профилактических усилий. Эти свойства должны учитываться при организации профотбора, профессиональной ориентации и т. д.

Вместе с тем практика показывает, что в основе нарушений правил предосторожности и общественной безопасности лежат антисоциальные взгляды и привычки (эгоизм, неуважение к людям, демонстративное пренебрежение нормами предосторожности и т. д.). Эти привычки проявляются и в самом характере нарушений; грубейшие нарушения носят подчас сознательный, злостный характер. Еще значительной остается и доля лиц, совершающих такого рода опасные правонарушения в нетрезвом состоянии. Такие нарушения отражают во многом отрицательные социальные позиции виновных и их безответственное отношение к общественным интересам.

Таким образом, перспективы борьбы с неосторожными деяниями следует связывать в первую очередь с нейтрализацией объективных факторов, «разгрузкой» криминогенных ситуаций, имеющих место в механизме неосторожного поведения. И лишь в тех случаях, когда речь идет об устойчивых характеристиках личности, создающих опасную ситуацию или явно доминирующих над ситуативными факторами, особенностям личности и профилактическому воздействию на эти субъективные факторы принадлежит решающая роль.

УДК 355.01

А.А. Мушта, кандидат философских наук, доцент

СТРЕССОВО-КРИЗИСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГИБРИДНЫХ ВОЙН КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МЕГАПРОБЛЕМА (на опыте вооруженного конфликта на востоке Украины)

Важнейшей характеристикой вооруженных конфликтов XXI в. стал их гибридный характер. Главный признак такого вида военных действий – применение в качестве военной силы иррегулярных воинских формирований из состава наемников или боевиков наряду, а часто и вместо вооруженных сил. Другой признак – активное использование невоенных способов воздействия на противника одновременно или заблаговременно до начала прямых военных действий. Широкий арсенал средств политического, социально-экономического, информационно-

психологического и собственно военного характера задействуется для нанесения урона противнику по всему спектру жизнедеятельности государства и общества.

В условиях ведения гибридных конфликтов существенно возрастает роль морально-психологических факторов, что обусловлено следующими обстоятельствами:

высокой динамикой развития военно-политической и морально-психологической обстановки;

широким применением неконвенциональных способов морально-психологического и вооруженного воздействия на личный состав вооруженных формирований и население противника;

высокой интенсивностью информационно-психологического противоборства в течение всего вооруженного конфликта;

относительно быстрым истощением морально-психологических сил вовлеченных в конфликт сторон.

В числе неблагоприятных, потенциально опасных психологических последствий информационно-психологического воздействия гибридного конфликта военные социологи и психологи называют:

дисфункциональность (частичные нарушения либо полная неспособность к выполнению поставленных задач отдельными военнослужащими, воинскими подразделениями, органами военного управления, а также гражданскими структурами и их персоналом вследствие ошибочного или неадекватного восприятия и интерпретации информации);

изменение психического и физиологического состояния военнослужащих (возрастание напряженности, тревожности, появление депрессии);

снижение способности индивидов к самостоятельному принятию важных решений;

увеличение психиатрической или психогенной соматической заболеваемости, рост числа пограничных нервно-психических расстройств;

снижение психологического потенциала личного состава воинских частей, подразделений, органов военного управления.

Что касается социально-психологических последствий вооруженного конфликта на востоке Украины, то, по мнению наблюдающих за ним экспертов, наиболее уязвимыми и проблемными в социально-психологическом измерении являются две весьма сложные по своему составу группы: мирные жители Донецкой и Луганской областей и лица, принимавшие непосредственное участие в военных действиях в формате антитеррористической организации (АТО).

Ряд украинских социологов и психологов обоснованно утверждают о существовании в обществе так называемого «Донбасского синдрома». При этом, по их мнению, данный синдром проявляется на мегауровне –